

Филиппов И.С.

Рецензия на книгу: *La coutume au village dans l'Europe medievale et moderne. Actes des XX-es journees internationales d'histoire de l'abbayede Flaram. Setembre 1998. Etudes reunies par M. Mousnier et J. Poumarede. Toulouse, 2001. 260 p.*

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3282>]

[Публикация работы:]

Филиппов И.С. 2003: Рецензия на книгу: *La coutume au village dans l'Europe medievale et moderne. Actes des XX-es journees internationales d'histoire de l'abbayede Flaram. Setembre 1998. Etudes reunies par M. Mousnier et J. Poumarede. Toulouse, 2001. 260 p.* // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1 (11), 203-206.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

И. С. ФИЛИПPOB

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: LA COUTUME
AU VILLAGE DANS L'EUROPE MÉDIÉVALE
ET MODERNE. ACTES DES XX-ES
JOURNÉES INTERNATIONALES
D'HISTOIRE DE L'ABBAYE DE FLARAN.
SEPTEMBRE 1998. ETUDES RÉUNIES PAR
M. MOUSNIER ET J. POUMARÈDE.
Toulouse, 2001. 260 p.**

Материалы 20-й из конференций, проходящих ежегодно в старинном аббатстве Фларан (Гасконь, департамент Жер), представляют несомненный интерес для историков права. Конференция, объединившая профессиональных историков и юристов, была посвящена одному из важнейших и в то же время наименее исследованных аспектов юридической культуры средневековья и нового времени, а именно обычному праву деревни.

Сельские обычаи Западной Европы изучены намного хуже, чем городские или провинциальные, представленные по большей части давно опубликованными, а порой и хрестоматийными памятниками. В отличие от них, записи сельских обычаев сохранились скорее в виде исключения (разве что в Средней и Северной Италии¹), причем большинство дошедших до нас текстов не опубликовано, так что за пределами круга специалистов даже об их существовании не слишком хорошо известно. В некоторых странах, например в Англии, записи этих обычаев, по-видимому, никогда не составлялись, и мы судим о них, главным образом, по упоминаниям в протоколах манориальных судов, по перечням крестьянских повинностей и по случайным сведениям в актовом материале и нарративных источниках. В других странах, в том числе во Франции, архивы которой сохранили немало записей сельских обычаев, по крайней мере отдельных их норм, воссоздание «нижнего этажа» обычного права также предполагает анализ разрозненных свидетельств нотариальных актов, судебных протоколов, материалов епископских инспекций и других ненормативных источников. Однако идет ли речь о реально сохранившихся памятниках или об их реконструкциях, изучение «сельских кутюм» принципиально важно для осмысления феномена обычного права во всем его многообразии.

Вошедшие в сборник статьи посвящены разным аспектам правового регулирования жизни сельских сообществ, а также некоторым более общим вопросам истории обычного права. Не составляя вместе цельной картины, они все же освещают многие ее участки и служат полезным введением в изучение этой малоисследованной проблемы.

Среди наиболее важных статья К. Лорансон-Роза о возникновении самого понятия «добрый обычай»². Оставляя за рамками анализа проблему местных обычаев в древности³, он начинает с изучения сведений о *consuetudines*, содержащихся в текстах меровингской и каролингской эпох (формулах, дипломах, капитуляриях), когда, по его мнению, это понятие, в целом, еще сохраняло смысл, присущий ему в римском праве. Новации начинаются в VIII в.,

¹ В отечественной медиевистике статутами сельских коммун занималась Л. М. Брагина, защитившая кандидатскую диссертацию на тему: Сельские коммуны Северо-Восточной Италии в XIII–XIV вв. М., 1955.

² Lauranson-Rosaz Ch. Des «mauvaises coutumes» aux «bonnes coutumes». P. 19–51.

³ См.: Schmiedel B. *Consuetudo im klassischen und nachklassischen römischen Recht*. Graz, 1966.

когда слово *consuetudo* приобретает новое значение, не перечеркивающее, впрочем, старое: отныне оно все чаще употребляется для обозначения установленных, а значит «обычных», платежей и повинностей, которыми подданные обязаны государству. На протяжении X в., в условиях прогрессирующего упадка государственной власти, бывшие королевские наместники и их агенты, затем и просто крупные сеньоры, прибирают к рукам большинство налогов и общественных повинностей (постой, посыльная, сторожевая служба, ремонт дорог, мостов и т. д.) и превращают их, на деле, в банальные поместные платежи и отработки, иногда меняя их форму и размеры. Не удивительно, что эти поборы и службы рассматриваются и податным населением, и королевской властью, и церковью как «дурные обычаи». Первые упоминания о них появляются на рубеже X–XI вв., в связи с начавшимся тогда же движением за Божий мир, целью которого было ограничение феодальной анархии хоть какими-то рамками, в частности установление неприкосновенности освященной территории и запрета на насилия, где бы они ни совершались, в праздничные дни; возвращение церкви захваченных у нее земель и источников доходов; наконец, пресечение всевозможных сеньориальных злоупотреблений, и прежде всего «дурных обычаев»⁴. По мере того как это движение набирало силу (во второй половине XI в. оно, безусловно, восторжествовало), возникло различие недавних «дурных» и стародавних «хороших» обычаев. В дальнейшем это понятие стало трактоваться расширительно как обозначение не только законных повинностей, но и других норм, регулировавших жизнь податного населения.

Насколько мне известно, это представление разделяется большинством современных французских исследователей, как историков (П. Боннасси, М. Бурэн, А. Дебор, Г. Девайн, Э. Манью-Нортье), так и юристов (Э. Бурназель, О. Гийо, Ж.-П. Поли). В то же время на проблему возникновения кутюм есть и другая точка зрения, сторонником которой является участвующий в рецензируемом сборнике Р. Жакоб⁵. Он доказывает, что понятие «кутюма» вошло в обиход лишь к концу XIII в. и обязано своим распространением влиянию ученого права, преподававшегося в университетах; сходным образом он фиксирует крайнюю редкость немецкого слова *gewonheit* в «Саксонском зеркале». Анализируя трактаты таких теоретиков права того времени, как Филипп де Новар и Жан д'Ибелен, и созданные тогда же или немного позднее своды областных обычаев Вермандуа и Бовези, он отмечает постепенное утверждение термина «кутюма», но не в значении древнего обычая, противопоставляемого закону, а в значении древнего закона, претерпевшего со временем всевозможные искажения, которые как раз и надлежит исправить при помощи новой кодификации. Во всяком случае, в анализируемых им текстах противоречия между законом и кутюмой не обнаруживаются.

Не занимаясь профессионально текстами этой эпохи и принимая поэтому выводы Р. Жакоба как мнение специалиста, не могу не заметить, по крайней мере, два уязвимых момента в его построениях. Во-первых, он уходит от рассмотрения того материала, которым оперирует К. Лорансон-Роза, практически не соотнося раннесредневековое понимание обычая с тем, что он обнаружил сам в текстах XIII в. Во-вторых, он уделяет чрезмерное, на мой взгляд, внимание термину «кутюма» (*costume*), вместо того чтобы анализировать всю совокупность лексических средств обозначения понятия «обычай». Между тем в их числе было не менее древнее слово *usus*, которое он находит в своих источниках, но «дисквалифицирует» как не относящееся, по большей части, к сфере действия позитивного права. Справедливости ради следует сказать, что вопрос о соотношении правовых и неправовых (например, житейских или технологических) обычаев отнюдь не прост и изучен явно недостаточно. Их смешение, затемняющее обязательный и принудительный характер юридической нормы, безусловно, неправомерно; однако игнорирование общего нормативного субстрата, объединяющего эти типы обычаев, также чревато отрицательными последствиями для изучения обычного права. Не забудем и то, что речь идет о текстах, вызванных к жизни столкновением разных правовых традиций и отмеченных далеко еще не устоявшейся терминологией.

⁴ См.: *Barthelemy D. L'An Mil et le Paix de Dieu*. P., 1999.

⁵ *Jacob R. Les coutumiers du XIII siècle ont-ils connu la coutume?* P. 103–119.

Этот вопрос затрагивается в числе других в статье Ж. Барта о судьбе обычного права в годы Французской революции⁶, отмеченной, как известно, унификацией национально-го законодательства и преодолением местных обычаев как пережитка «старого порядка». Анализ нотариальных актов революционной эпохи, фиксирующих наследование семейного имущества, привел автора к выводу о том, что, несмотря на отмену кутюм, в реальной юридической практике их нормы продолжали применяться достаточно широко. Прямые отсылки к ним редки, чаще имело место хитроумное крючкотворство, позволяющее обойти новый закон. Например, на юге страны, где принцип равнодольного наследования был многими встречен в штыки, получили распространение странные, на первый взгляд, сделки продажи части семейного имущества одному из детей, признание фиктивных задолженностей одному из детей со стороны других и т. д. Не менее важен вывод Ж. Барта о том, что законы революционной эпохи вообще не затронули некоторые важные типы правоотношений, например брачные контракты, которые заключались, в конечном счете, с оглядкой на те же кутюмы⁷. Наконец, революционное законодательство обошло вниманием всю сферу аграрных распоряжений, не поддающихся регламентации в масштабе всей страны ввиду кардинальных различий в природных и экономических условиях. Нормы, которыми руководствовались в повседневной хозяйственной жизни французские крестьяне XIX и даже XX вв., в значительной мере восходили к «сельским кутюмам» дореволюционного времени⁸. Немаловажный факт для понимания того, где проходит граница между правовым и неправовым обычаем...

Из других статей, вошедших в сборник, самой высокой оценки заслуживает очерк П. Харви о сельских обычаях в Англии, интересный и источниковедческими наблюдениями⁹. Региональные исследования представлены также эссе М. Аскери об Италии (преимущественно о Тоскане и Ломбардии)¹⁰, В. Лагардера об арабской Испании¹¹, Г. Ле Менье об аграрных распоряжениях в Испании XV–XVIII вв.¹² Отмечу особо статью Л. Ассиер-Андриу о формировании научного концепта обычая в литературе XVIII–XIX вв.¹³ и археографический очерк М. Берта о Южной Франции¹⁴, дающий представление о том, как много источников по истории обычного права еще ждет исследователей в архивах. Он также свидетельствует, что цельный свод сельских и даже городских обычаев – скорее исключение, чем правило: намного чаще фиксировались (в виде всевозможных жалований со стороны сеньора или государства) сравнительно небольшие группы норм, касающиеся какой-то одной сферы жизнедеятельности, и даже отдельные нормы.

Взятые вместе, эти и некоторые другие публикации рецензируемого сборника вводят нас в сложный и противоречивый мир повседневной правовой жизни западноевропейской деревни. Затрону лишь два аспекта этой проблемы.

Исследователи, в целом, солидарны в том, что запись обычаев неизбежно влекла за собой их модификацию: что-то отбрасывалось, а что-то и видоизменялось, причем отбор и правка всегда производились учеными людьми, как правило нотариусами и судьями. Очевидно, что они принадлежали к городской элите и не всегда так уж хорошо понима-

⁶ Bart J. L'éclipse révolutionnaire (1789–1804): la coutume à l'ombre de la loi. P. 215–227.

⁷ См.: Poumarède G. La législation successorale de la Révolution entre l'idéologie et la pratique // La Famille, la Loi, l'Etat de la Révolution au Code civil. P., 1989. P. 167–182.

⁸ См.: Une France coutumière. Enquête sur les «usages locaux» et leur codification (XIX–XX siècles) // Sous la dir. de L. Assier-Andrieu. P., 1990.

⁹ Harvey P. La coutume dans la vie anglaise au Moyen Age. P. 61–72.

¹⁰ Ascheri M. Législation et coutumes dans les villes italiennes et leur «contado» (XII–XV s.). P. 73–92.

¹¹ Lagarde V. Structures rurales et modes d'exploitation dans les villages (Qarya: Qurā) d'Al-Andalus (X–XV s.). P. 93–102.

¹² Le Meunier G. L'ordre des campagnes: coutumes collectives dans l'Espagne agraire à l'époque moderne. P. 171–190.

¹³ Assier-Andrieu L. La formation historique du concept de coutume et les origines de l'anthropologie sociale, XVIII–XIX siècles. P. 229–245.

¹⁴ Berthe M. Les coutumes de la France méridionale. Programme de recherche et premiers résultats. P. 121–137.

ли (или желали понять) обычаи селян. Ясно и то, что они действовали с оглядкой на сеньора или городские власти. С другой стороны, собирая материал, юристы ориентировались на мнение «лучшей», или «старшей», части крестьянского сообщества, составлявшей, по оценкам экспертов, от одной восьмой до одной четвертой сельского населения; есть все основания считать, что интересы остальных практически не учитывались. Не менее важно понять, что при кодификации сельские обычаи если и не искажались, то обязательно рационализировались. В частности, приводилась в порядок специальная терминология, обобщались отдельные случаи, местные нормы соотносились с нормами соседнего города или более крупной территории и т. д.

Другой принципиальный момент связан с уяснением того, какие именно стороны обычного права получили отражение в «сельских кутюмах». В хартиях вольностей и иных привилегиях речь идет почти исключительно о повинностях и правах, индивидуальных и коллективных, отличающих данное крестьянское сообщество от других. Частное право (например, вопросы наследства) или аграрные распоряжки в подобных текстах, как правило, не затрагиваются, иначе как ввиду заметного отклонения местных обычаев от тех, что воспринимались составителями как нормальные для данной провинции или округа. В других случаях эти аспекты права приходится изучать – насколько это возможно – по совсем другим источникам, прежде всего нотариальной и судебной документации. Это серьезно затрудняет решение многих проблем, включая датировку тех или иных норм, например, регулирующих коллективное землепользование и другие стороны жизни сельских общин. Современная наука, в целом, весьма критически оценивает представления прежних поколений исследователей о местных обычаях как о наследии седой старины и видит в них скорее установления, возникшие достаточно поздно под воздействием реалий развитого феодального общества. В этом, несомненно, есть резон, но не следует забывать и об источниковедческой стороне вопроса, а именно о специфике отражения соответствующих норм в дошедших до нас текстах. Привлечение внимания к этому вопросу является одним из наиболее очевидных достоинств рецензируемого сборника.

I. S. FILIPPOV

**LA RECENSIONE SUL LIBRO: LA
COUTUME AU VILLAGE DANS L'EUROPE
MÉDIÉVALE ET MODERNE. ACTES DES
XX-ES JOURNÉES INTERNATIONALES
D'HISTOIRE DE L'ABBAYE DE FLARAN.
SEPTEMBRE 1998. ETUDES RÉUNIES PAR
M. MOUSNIER ET J. POUMARÈDE.**

Toulouse, 2001. 260 p.

(RIASSUNTO)

La raccolta recensita include una serie di articoli dedicati ai più svariati aspetti del diritto consuetudinario nel villaggio medievale: alle fonti del suo studio, alla sua apparizione in quanto fenomeno giuridico particolare, alle circostanze della sua fissazione, all'influenza esercitata su di esso dal diritto consuetudinario delle città e delle province nonché dal diritto romano dotto, al

regolamento di concreti problemi e situazioni sociali, alle sue sorti nell'età moderna e alla storiografia. Sono presenti i saggi su temi e anche su Paesi concreti (oltre alla Francia, anche l'Inghilterra, l'Italia, la Spagna e in minor misura la Germania), l'analisi dei fatti è felicemente abbinata all'esame di una serie di questioni teoriche.